

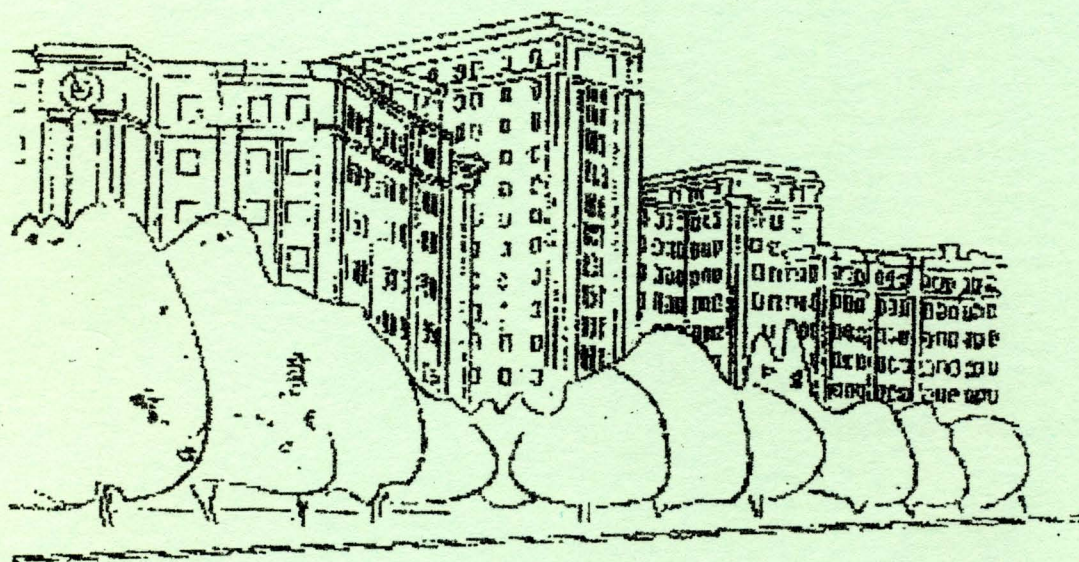
К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о Детях физмата

Выпуск 4-й

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Харьков 2002

К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о Детях физмата

Выпуск 4-й

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

II

Харьков 2002

Легенды и были старого физмата. Сборник рассказов. Ч.II. Серия воспоминаний о Детях физмата. Вып. 4 / Агафонова Н.Ф, Бляшенко Г.С., Гапон Э.В, Иванов И.Г., Кондратьев Б.В., Мерисов Б.А., Ульянов В.В., Хижковский В.П., Шарапов А.И. – Харьков: ХНУ, 2002. – 24 с.

Книжечка продолжает серию неформальных воспоминаний о Детях физмата, приуроченную к 200-летию Харьковского университета.

Это второй сборник коротких историй из жизни физико-математического факультета Харьковского университета, которые авторы сочли достаточно интересными и способными послужить еще одной затравкой для дальнейших выпусков с участием других свидетелей былой увлекательной жизни легендарного старого физмата.

Издается по решению кафедры теоретической физики
от 12 октября 2001 года

© Харьковский национальный
университет, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все меньше и меньше остается тех, кто жил, учился и работал в те времена, когда существовал физико-математический факультет Харьковского университета, располагавшийся на Университетской улице. Тогда там происходило много интересных событий, отголоски которых еще и сейчас иногда можно услышать в среде преподавателей старшего возраста, но нынешнее поколение уже ничего о них не знает.

К сожалению, многие интересные анекдоты того времени, а также осовремененные содержат элементы не очень нормативной лексики, так что при всей их занятости и увлекательности, даже в нынешних условиях словесной разнузданности, мы не решаемся их печатать, хотя самые смешные истории именно таковы. Правда, имеются юмористические моменты и в приводимых нами рассказах из данной серии, хотя воспринять в полной мере элементы комического в них могут лишь те, кто знал героев этих заметок и условия описываемой жизни.

Наши учителя, преподаватели, коллеги-студенты нередко попадали в разные нетривиальные обстоятельства, а были и отдельные лица, с которыми, помимо их воли, часто случались всякого рода приятные и не очень истории, которым умелые рассказчики придавали вид любопытных и даже смешных легенд. Сохранились и вполне приличные были и анекдоты, но они часто связаны с очень уважаемыми людьми, потомки или знакомые которых могут их неверно воспринять, хотя сами герои обычно были в полной мере наделены чувством юмора и никак не обиделись бы.

Люди часто описывают один и тот же случай по-разному. Так, очевидцы или непосредственные участники порой выдвигают свою версию, обычно отличающуюся от распространяемой легенды лишь в не очень существенных для события деталях, но иногда важных для самих героев. Нужно, однако, иметь в виду, что предлагаемые читателю сочинения не всегда строго документальны, а чаще нацелены на упоминание известных лиц и обрисовку общих обстоятельств или забавных эпизодов.

Вот в таких условиях отбора и проходит создание данных сборников рассказов о Детях физмата.

Выражаем признательность всем, кто внес вклад в эти сборники. Приглашаем новых авторов откликнуться на почин.

Ждем замечаний, уточнений и предложений, которые будут приняты с благодарностью.

В.В.Ульянов

И.Г.Иванов

РЕМОНТНЫЙ КОШМАР

Событие, о котором я расскажу, произошло в конце 50-х годов прошлого столетия. Я тогда работал лаборантом на кафедре физики твердого тела, которой заведовал широко известный физик – профессор Борис Яковлевич Пинес. Моим непосредственным начальником был Анатолий Федотович Сиренко – в ту пору подающий надежды молодой преподаватель, ближайший ученик и помощник Пинеса, а впоследствии профессор и заведующий этой кафедрой.

Наша лаборатория находилась в старом здании физмата, на первом этаже физического корпуса, рядом с механической мастерской. Напротив, через двор, был кабинет Б.Я.Пинеса. К тому времени наша большая комната имела невзрачный вид: грязноватые стены и закопченный серый потолок создавали унылое впечатление своей запущенностью. Она казалась темной, неуютной. Похоже, что последний раз ее белили еще до революции. Было решено произвести ремонт.

Оборудование, – а это были две большие, так называемые “пинесовские”, рентгеновские установки и другие громоздкие приборы, – сосредоточили в центре помещения, отсоединили электропроводку, вакуумпроводы и водяные трубки, закрыли это нагромождение брезентом и разными тряпками.

Специалисты-побельщики довольно быстро сделали свое дело. Мы остались очень довольны ремонтом. Комната преобразилась. Стены и потолок сверкали белизной. Стало сразу светло и радостно. Мастера ушли, а мы помыли пол и начали приводить в порядок оборудование. Нам помогали несколько дипломников. Все расставили по местам, присоединили электропитание, водопроводные трубки и вакуумпроводы, восстановили взаимное соединение установок. Однако, прежде чем показывать результаты шефу, нужно было проверить работу всех агрегатов.

Испытания начались с подключения одного из масляных форвакуумных насосов. Тут-то и произошла первая неприятность: кто-то неправильно подключил мотор к трехфазному току, перепутав клеммы. Раздалось неестественное урчание насоса. И, как бы недовольный неправильным включением, он стал изрыгать стружки масла, выплескивая их, словно с огорчением и досадой. Эти плевки были столь сильны, что белейшие стены оказались покрыты жирными бурыми пятнами, а брызги долетели даже до потолка. Нелепая случайность! Вся побелка пошла насмарку.

Ужас охватил нас – в любой момент мог появиться Б.Я., чтобы полюбоваться на плоды труда мастеров. Мы решили отпустить студентов домой. Побледневший Анатолий Федотович обратился ко мне: “Что будем делать, Иван Георгиевич?” Я сказал, что, видимо, нужно начинать соскабливать жир со стен, прогрунтовать эти места, а уже затем вновь побелить. Однако времени на эти трудоемкие процедуры у нас не было, так что А.Ф. решил немедленно попытаться как-нибудь забелить безобразие, скрыть следы ужасного умасливания.

Он побежал в соседнее здание химфака, куда ушли работать наши мастера, и вскоре принес бак для побелки с набором труб. В этом аппарате уже был раствор, нужно было лишь слегка добавить воды (как ныне в рекламе пресловутого порошка Invite – “Только добавь воды!”). Мы и добавили. Однако этот агрегат был у побельщиков, по-видимому, запасным и давно не использовался. Масса загустела. Мы соединили трубы. А.Ф. держал в руках металлический конечный патрубок, из сопла которого должно было происходить распыление, а я взялся за рукоятку растворонасоса и начал подкачку воздуха, но лишь тонкая струйка раствора очень вяло выходила, капая на пол. “Давайте, Иван Георгиевич, подкачивайте, подкачивайте!” – сказал А.Ф., чтобы активизировать процесс, так как куски мела и песка, видимо, забили трубопровод. Однако существенного

изменения ситуации не произошло. "Сильнее, сильнее!" – подбадривал меня А.Ф.

И тут произошло непредсказуемое: одно из соединений труб не выдержало и разъединилось. В руках у А.Ф. остался наконечник с безжизненно повисшей тонкой частью трубопровода, тогда как присоединенная к баку толстая кишка, вырвавшись на свободу, выплеснула скопившуюся под большим давлением густую жижу на стены.

Более того, под действием реактивной отдачи она стала вращаться, словно сегнерово колесо, и интенсивно разбрызгивала серую массу вокруг. Стены, потолок, все приборы, шкалы, трубы, провода, а также мы с А.Ф., – все оказалось покрыто слоем этой сероватой полужидкости.

Большого урона оборудованию, – а главное ремонту, – нельзя было вообразить. Мы опешили. Вот, наконец, давление упало, труба безжизненно повисла, из ее конца вытекли последние капли жижи, а мы в шоке стояли среди этого кошмара!

Наше состояние в те мгновения не поддается описанию, как и картина полнейшего разорения.

На наше счастье, было уже поздно и Борис Яковлевич, видимо, уже ушел домой. Весь вечер и следующий день мы приводили в относительный порядок оборудование, мыли, вытирали, подчищали. Память о том дне сохранилась на всю жизнь.

Осталось загадкой, за что нас так наградила судьба. То ли затеян был этот ремонт в неудачный согласно астрологии день, то ли Борис Яковлевич чем-то не угодил небесам, то ли кто-то из нас с Анатолием Федотовичем прогневил высшие силы? Ответа на эти вопросы мы так и не получили. Впрочем, мы были довольны, что все в конце концов обошлось, – устаканилось, как принято нынче говорить.

И.Г.Иванов

Из цикла "Матримониальные истории"

Невероятное оказалось возможным

В очередном наборе на физмат 1952 года я оказался переростком, будучи старше своих однокурсников на четыре года: оккупация, учеба в Мариупольском (тогда Ждановском) педучилище и два года работы в школе. В университете, в связи с рядом обстоятельств, был незаметным среди студенчества, что называется, "тише воды, ниже травы". И, как ожидалось, оказался на кафедре физики твердого тела. По окончании университета, по настоянию Пинеса Б.Я., остался работать на кафедре лаборантом.

В период учебы и работы в стенах университета меня привлекала наука и только. Девочки меня не интересовали. Как необщительный провинциал я не пользовался среди них успехом. Но вот одна из выпускниц кафедры 1959 года Галя Бондаренко попросила у меня конспект лекций Б.Я. для подготовки к госэкзамену по физике твердого тела. Возвращая тетрадь, она пригласила меня приехать летом в гости к ней в г. Крюков, что на правом берегу Днепра и отделяется от Кременчуга (на левом берегу) только мостом. Приглашение принял. Она же, получив направление на работу в город Константиновку на стекольный завод (Донецкая обл.), уехала на каникулы к родителям.

Наступил период отпусков. В назначенное время еду к ней в Крюков. Проезжая по мосту через Днепр, я был ошеломлен широтой, величию этой реки, плывущими по ней многоэтажными белыми лайнерами и огромными баржами. В моем понятии "река" – это наша безымянная Анадольская реченька, уступающая по полноводью даже Лопани; в ней, однако, мы барахтались от зари и до заката, в ней мы находили и рыбу, и раки, и съедобные растения.

И вот – я у Гали дома: ее родители, жилой уютный, небольшой уголок в частном доме на три семьи, устланный зеленым ковриком-травкой дворик, хозяйственный уголок, а далее – садик. Было все: и вкусные супы, и разная рыба, и вареники, и пироги, и сочные фрукты. Помню, что я продемонстрировал свою ловкость работы с топором: на одном дыхании наколот им дров сезона на два. На следующий день попросился на Днепр. Вижу, что она, пошушукавшись с отцом, берет у него какие-то ключи. Оказалось, родители доверили ей – хрупкой девочке, которой едва минуло 22 года, – взять лодку и перебраться со мной на один из островов Днепра. Хорошенькое дело, я в жизни не видел

настоящих весел, грести, конечно, не умел, а тут еще такая река, не наша ведь!

На берегу она открыла дверь шкафа, взяла два увесистых весла, черпалку (в лодку просачивалась вода) и длинный шест. На ходу отцепила лодку, оттолкнула ее от берега и вскочила в нее, покачивавшуюся уже на мелкой волне. Совершив такой же прыжок, я уселся, как пассажир, в носовой части лодки. Она взяла курс на первый из двух островов, которые виднелись впереди в дымке и находились примерно на середине реки.

Сначала она передвигала лодку, упираясь шестом в дно реки. На этом пути то справа, то слева появлялись целые колонии больших белых цветов, важно покачивавшихся на мелких волнах, генерируемых лодкой. Но вот минут через двадцать курс лодки резко изменился. Галя отложила шест и взяла в руки весла. Скорость лодки увеличилась, и теперь мы плыли, практически против течения, почти параллельно острову. Как она объяснила мне, здесь близко форватер реки и течение возрастает. После получаса пути наша лодка пристала к берегу острова там, где, видимо, частенько высаживались рыбаки. Она мигом уложила весла в лодку и, выпрыгнув на берег, цепью прикрепила ее к дереву.

Мы оказались на необитаемом острове. Густой лес, высокие деревья с пышной зеленью листвы, трава, цветы, поющие птицы. А вокруг – чистейшая, прозрачная питьевая днепровская вода. Гордо, величаво проплывают вблизи комфортабельные пассажирские лайнеры. Произносим их имена. Я впервые оказался в подобном краю, и он был для меня не менее сказочным, чем наш Велико-Анадольский лес и безграничные пахучие степи Донбасса.

Мы загорали, купались, бродили по острову. Все вокруг радовало нас, как детей, хотя я был старше Гали на семь лет. Естественно, я не нарушал границ дозволенного. Теперь уж точно знаю, что иначе получил бы по заслугам. Она, как женщина, старалась показать свою фигуру и понравиться мне. (Галя прямо преобразилась на острове, попав в свою стихию, которую полюбила с детства, многократно приплывая сюда с отцом на рыбалку.)

Получив незабываемые впечатления от встречи с нею и могучим Днестром, я через три дня уехал к родителям в родной мне Донбасс, а недели через три возвратился в Харьков. Появились новые дела, новые проблемы и трудности. Благодаря Б.Я. я оказался в аспирантуре. Переписка с Константиновкой сначала велась интенсивно. Затем, по мере нарастания аспирантских нагрузок, она становилась все более редкой, а потом, видимо по моей вине, и вовсе заглохла. Я увяз в своих

Ваня и Галя на острове
после свадьбы (1962 год)

исследованиях. Долго мы с механиком Шумаковым А.Н. изготавливали вакуумную установку для моей работы. Причем так долго, что заблокировали другие заказы. Б.Я. очередникам-заказчикам отвечал, что боится появляться в мастерской: там Шумаков и Иванов задумали изготовить паровоз. Дела шли медленно, хотя приходилось работать и по ночам. К тому же необходимо было сдать последний кандидатский экзамен по физике твердого тела.

Однажды, перелистывая упомянутый конспект лекций Б.Я., я обнаружил на внутренней стороне обложки свое имя, выведенное четкими буквами рукою Гали: *"Ваня"*. Меня словно осенило. На свой страх и риск, не сообщив никому ничего на кафедре, я исчезаю и еду в Константиновку к ней. Прошло много времени. Понимаю, что положительный результат этой поездки маловероятен. Но приехал. Трамвай довез меня к стекольному заводу. Общежитие завода. Вызываю Галю Бондаренко. Во двор вышли две знакомые девушки – Валя Карлюк и Жанна Скуратовская – однокурсницы Гали, которые получили сюда же назначения. Сообщили, что она жива-здорова и сейчас выйдет. Выходит. Девушки оставляют нас вдвоем. По виду и поведению понял, что не зря приехал, что она не в обиде и рада моему появлению. Кстати, она так никогда и не узнала, что я прочитал в той тетради. И только теперь я открываю эту тайну.

Давно Константиновку окрестили экологически неблагоприятным городом. Но в моей памяти она осталась не такой. В ухоженном, молодом парке было много цветов, особенно роз, была прекрасная погода, белые кучевые облака на голубом небе. Мы хорошо отдохнули в парке, поговорили о наших планах, сделали много снимков. Негативы оказались качественными. Снимались любимым моим ФЭДом, который, к сожалению, позже у меня украли в поезде. В последующие годы, мне не удавалось получать столь приличные снимки, пользуясь Zenitom.

Как мы и договорились в константиновском парке, Галя снова оказалась в Харькове. Она – дипломница Смушкова И.В. – благодаря Чайковскому Э.Ф. вскоре устроилась на работу. Потом, несмотря на трудности тех лет, она подарила мне двух прекрасных сыновей и очаровательную дочь. И вот в августе 2002 года последний из троих птенцов покинул наше гнездышко, создав свою семью. Событие это зарегистрировано в загсе на улице Петровского, куда ровно 40 лет тому назад вошли мы с Галей и взаимно подарили друг другу то, что имели, – лишь свои сердца.

А.И.Шарапов

Оптическая легенда

У нас на факультете учился студент Т. Успевал он слабо, но, на удивление, имел успех у некоторых преподавателей благодаря испытанному приему: свой ответ на экзаменах и зачетах он всегда начинал с неоспоримой дежурной фразы: "Как известно, все тела состоят из атомов". Преподаватели, пораженные этим высказыванием, не очень внимательно слушали дальнейшее, и это было ему как раз на руку.

Так ему удалось дойти до 5-го курса и даже окончить оптическую специализацию, где еще долго вспоминали связанные с ним различные истории. Вот одна из них.

Его дипломная работа была связана с необходимостью получения высокого вакуума, который достигался с помощью масляных насосов. Особенность пользования этими насосами заключалась в том, что, прежде чем включать печь, которая нагревала масло (это было необходимо для получения вакуума), нужно было пустить воду. В противном случае масло подгорало и насосы выходили из строя.

Чтобы не было этих недоразумений, лаборант - очень известный в дальнейшем доктор наук Борис Семенович Скоробогатов - написал прямо возле электрического выключателя, с помощью которого включалась электропечь, одно коротенькое слово с восклицательным знаком "воду!" и приклеил эту записку как раз к выключателю, чтобы человек, включая электричество, вспомнил, что нужно пустить воду.

И вот однажды этот Т. включил насос и все почувствовали запах гари. Первым обратил внимание на это Борис Семенович. Он прибежал с возмущением и сразу обнаружил, что насос вышел из строя. Начал спрашивать, в чем дело, кто включил насос. Т. сознался, что насос включил он. Тогда разъяренный Скоробогатов сказал: "Ты же должен был сначала включить воду!" На это Т. невозмутимо ответил: "Я же включил". "Где?" - закричал Скоробогатов, подбежал к крану, открыл его и пустил воду, хотя это был уже запоздалый прием. Ничуть не смутившись, Т. указал на электрический выключатель и сказал: "Да вот же тут написано "воду!" Я его и включил."

После окончания университета Т. ушел на работу, кажется, в зооветеринарный институт. Спустя некоторое время он вернулся к Игорю Николаевичу Шкляревскому, который тогда заведовал оптической специализацией, и сказал: "Я пришел к Вам поступать в аспирантуру". Я никогда не видел Игоря Николаевича, замечательного, уравновешенного человека, таким разъяренным...

Б.В.Кондратьев

Из цикла "Сессионные приключения"

Как я сдавал политэкономию

В июне 1953 года наш курс сдавал экзамен по политэкономии капитализма. Читала лекции преподаватель Рыбояд, фамилия которой расшифровывалась так: читает, как рыба, принимает, как яд! Лекции проходили в большой аудитории амфитеатром (имени Бекетова). Маленькая женщина-преподавательница что-то говорила, стоя внизу за кафедрой; весело разговаривали между собой 200 студентов нашего курса. Так проходили лекции ко всеобщему удовольствию. Семинары тоже протекали весело – можно было отделаться рассказами из всемирной (особенно европейской) истории, что мне легко удавалось, так как я хорошо помнил историю и географию. Семинары вела молодая красивая женщина – Новикова Зина Николаевна, я был у нее на хорошем счету, так как всегда мог выступить по всем историческим вопросам. Подчеркиваю – именно историческим, так как из всей политэкономии я знал только одно название.

Я был студентом старательным, чаще получал пятерки, чем четверки. Поэтому завалиться по политэкономии мне совсем не хотелось. Я взял толстенную книгу "Капитал" К.Маркса и начал ее читать. Но там рассказывалось в начале только о продаже сюртуков; мне стало скучно и больше никакие первоисточники я не читал. Правда, иногда заглядывал в БСЭ, где все сжато и ясно было рассказано и объяснено; приводились главные цитаты, давались исторические справки. Так что навсегда я пропитался уважением и любовью к БСЭ.

Но время учебного года быстро истекло, даже в БСЭ по всем вопросам было заглядывать некогда. Конспекты первоисточников я тоже не написал (даже не читал первоисточники), мне их одолжил Шурик Рязанов. Он даже написал на своих тетрадях мою фамилию.

Обычно я с удовольствием читал самые заумные учебники по физике, математике и соц.-эк. дисциплинам. Мог разобраться и в других учебниках, но от политэкономии меня просто мутило. Что это за предмет, я не знаю, он прошел мимо меня как ужасный сон.

Экзамен по политэкономии был самым страшным и авантурным в моей жизни. Я понимал, что если меня на экзамене будут спрашивать, то я засыплюсь. Но как можно сдать экзамен молча?

Как-то подходя ко входу в математический корпус, я увидел полуплачущую сокурсницу Валю Сивочуб, которая всем рассказывала, как ей только что поставили 4 вместо 5, так как

она почему-то забыла, что конкуренция бывает междутраслевая и внутриотраслевая. А ведь общеизвестно, что это любимый вопрос Рыбояд на экзамене! Я ее выслушал и все случайно запомнил.

Во время подготовки к экзамену на меня навалилась общественная работа, и я прочитал только половину конспекта лекций А.Рязанова.

Явился я на экзамен часов в 13-14; думал, что буду одним из последних. Но наша группа на экзамен почти вся не явилась, Рыбояд дала мне билет, а сама пошла в деканат спрашивать, как найти студентов. Я остался в ауд. 26 один. Дверь приоткрылась, и появилась голова Светы Дудченко - очень разумной девочки. Она, конечно, спросила, знаю ли я билет. Я ответил, что первый вопрос по древней и средней истории я и шапками забросаю, но второй вопрос - именно политэкономический - ни в зуб ногой!

Света справилась по книгам и дала мне исчерпывающие данные по этому убойному вопросу, так что через 40 минут, когда вернулась Рыбояд, я уже был на вершинах политэкономии. Мой ответ преподавателя вполне удовлетворил; ведь я всегда все соц.-эковские вопросы расцвечивал огромным количеством примеров из истории и географии.

После этого мне задали коронный вопрос преподавателя о видах конкуренции и я рассказал то, что слышал от В.Сивочуб.

Кроме того, я мог поговорить об Адаме Смите и Давиде Рикардо. Правда, преподаватель совсем не обратила внимания, что я говорил в основном об их биографиях, но совсем не затрагивал их учений (последних вопросов я совсем не знал).

В общем, к своему удовлетворению, я получил вовсе не заслуженную мною пятерку, и так благополучно кончился самый ужасный экзамен в моей жизни. Правда, на следующий год нам читали политэкономия социализма (препод. Былков). Здесь я уже ничего не боялся, снова ничего не знал по политэкономии; заменял ее историей и биографиями классиков. Однако теперь получил только хорошо.

Хотя сейчас наша страна и испытывает экономические трудности, но я твердо верую, что наши политэкономы приведут нас к светлому будущему. Особенно так будет, если к экономическим вопросам не будут подпускать на пушечный выстрел экономистов моего типа. Пусть этим занимаются настоящие политэкономы, со многими из которых я знаком, вижу их знания и очень уважаю.

Б.А.Мерисов

М О Р Т И Р К А

Историю эту я слышал много раз от своих друзей и знакомых в разных вариантах, отличавшихся лишь мелкими деталями. Случилось это в 1957 году на кафедре экспериментальной физики, в комнате, которая помещалась на первом этаже физического корпуса в старом здании на Университетской.

В лаборатории низких температур работали, выполняя свои дипломные задания, инициативные и жизнерадостные ребята. Однажды им взбрело на ум провести незапланированный эксперимент. Найдя в лаборатории толстую металлическую трубу неизвестного назначения, они набили ее стружками, залили из дьюара жидким кислородом, имевшимся в то время в неограниченном количестве, и бросили в трубу зажженную спичку.

Эффект превзошел все ожидания: содержимое мгновенно вспыхнуло, сноп пламени и гари вырвался, словно из жерла вулкана, и вознесся к потолку, на котором копоть осела в виде большого черного пятна. По всему корпусу разнеслось гулкое "У-у-х!!" Получилось очень здорово, но можно было ожидать неприятностей от начальства.

Первым из старших появился Борис Иеремиевич Веркин, сразу заметивший украшение на потолке: "Кто это сделал?" Ребята признались, что это безобразие сотворили они. Как истинный экспериментатор, Веркин тут же спросил: "А как вам это удалось?" Ребята охотно поделились с ним своим "know-how" на словах, но Борис Иеремиевич потребовал показать все на практике. Тут же опыт был повторен, а на потолке красовались уже две крупные блямбы. Тогда Веркин, узнав, что среди испытателей были оптики, предложил воспроизвести это же в соседней оптической комнате.

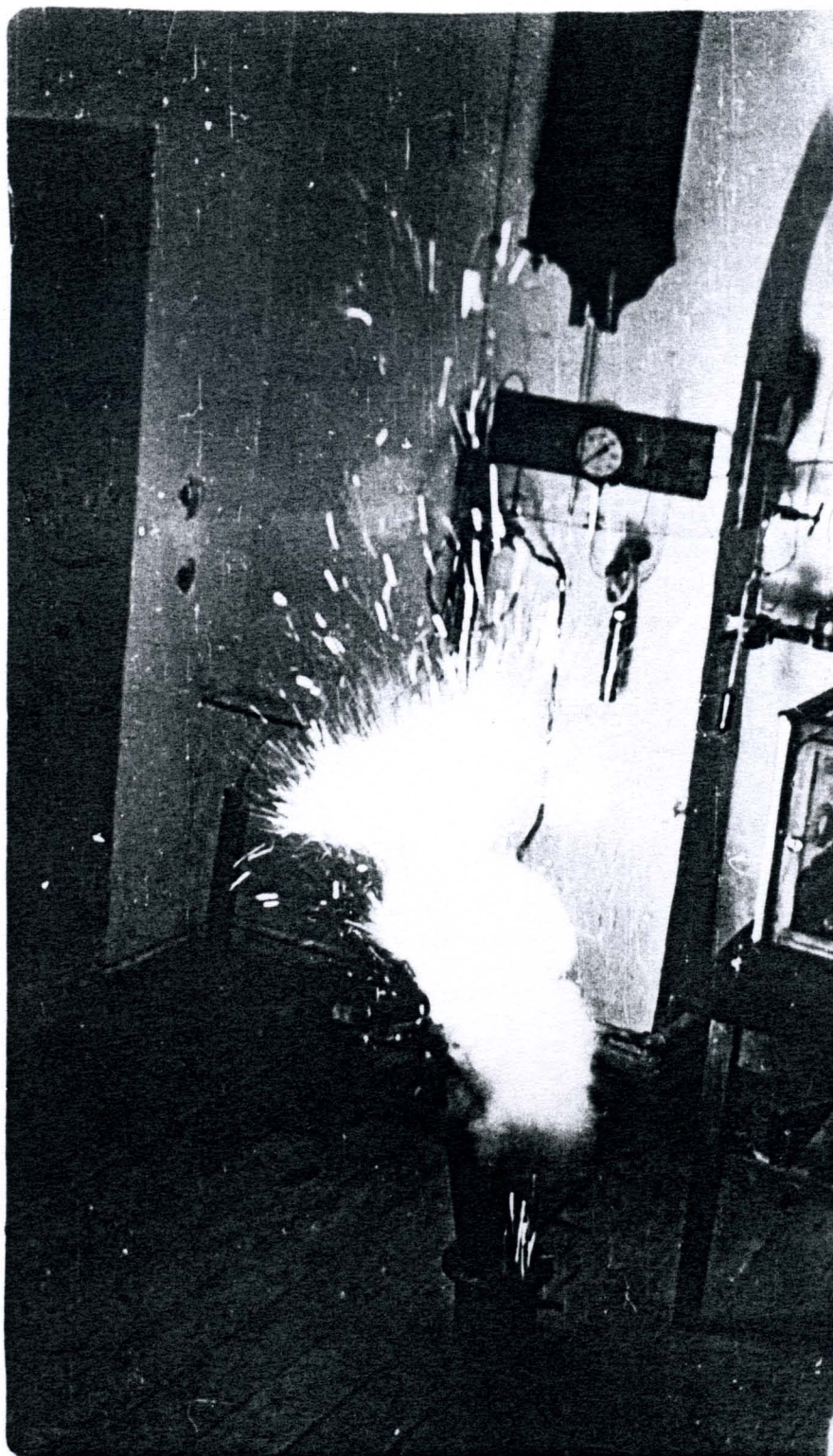
Студенты-оптики согласились на проведение демонстрации, но с оговоркой: "Нужны канониры - мы не обучены..." Просьбу удовлетворили. Результат оказался не хуже, чем на низких температурах. Выстрел был произведен пред светлые очи заведующего оптической специализацией И.Н.Шкляревского. Игорь Николаевич прореагировал очень живо и даже припомнил подобные проделки времен своей молодости.

Только после этого Веркин, наконец, рассердился и приказал убрать в обоих помещениях эти ужасные пятна...

Кто-то из рассказчиков впоследствии остроумно назвал это происшествие одним емким словом "мортирка". Под этим названием сей случай и вошел в историю приключений на старом физмате.

P.S.

Залп запечатлен участником происшествия Юрой Нестриженко. Фото предоставлено и некоторые уточнения внесены очевидцем описанного эпизода Зинаидой Ивановной Сизовой (в то незабываемое время - Зиной Сугоцкой).

Мортирка в действии
Фото Ю.Нестриженко

Б.А.Мерисов

Из цикла "30 случаев с майором Паракой"

Спаситель

Дело было в военных лагерях. Нас отправили на полигон близ городка О. Учения прошли успешно. В последний день я отправился на почту получить денежный перевод из дома. Городок находился на противоположном берегу реки. Туда я перешел по мосту, расположенному недалеко от причала, где нас собрали в ожидании пароходика до Киева, откуда всех должны были доставить домой поездом. До прихода судна оставалось часа три, так что я, получив деньги, хорошо провел время, ударившись в загул в полном одиночестве. Да, со мной бывало и такое.

Не помню, что происходило потом, но в конце концов я оказался на берегу реки в том месте, напротив которого стояли мои товарищи и военное командование. Я решил, что самым правильным будет переправа вплавь. Завязал над головой узел с одеждой и документами и, отойдя немного против течения, чтобы меня не видели и чтобы далеко не унесло от причала, стартовал из камышей.

Вода была довольно холодная, течение сильным, плюс водовороты. Я все же почти достиг середины реки, как вдруг меня заметили и раздался громкий крик майора Параки: "Смотрите! Да он же тонет! Уже и глаза-то блестят!" Кто-то из ребят бросился мне на помощь, хотя это было лишнее, так как я занимался спортивным плаванием и в нормальном состоянии легко преодолел бы водную преграду. Лишь опьянение не позволило сделать это быстро.

Считалось, что майор Парака спас меня тогда. Я против такой трактовки не возражал. Это был добрый человек, но совершенно уникальная фамилия его послужила источником многих анекдотов и рассказов об историях, связанных с этим хорошим командиром. Его внимание к людям, готовность помочь, равнодушие втягивали его в разные происшествия. А совершенно необычная фамилия давала дополнительный стимул выдумщикам связывать курьезные случаи с этим славным человеком. И это не только мое мнение.

Б.А.Мерисов

Н И С П Р О В Е Р Г А Т Е Л Ь

То, что я хочу рассказать, происходило в первой половине

50-х годов на физико-математическом факультете, на кафедре экспериментальной физики, в старом здании Университета. В это время я учился, кажется, на втором курсе и одновременно работал лаборантом в одной из небольших комнат на втором этаже физического корпуса, рядом с физической аудиторией. В этой же комнате находился сотрудник кафедры Владимир Игнатьевич Хоткевич, а в одной из соседних – также член нашей кафедры Борис Иеремиевич Веркин. Заведовал кафедрой Кирилл Дмитриевич Синельников.

Время от времени на кафедру приходили разные открыватели вечного двигателя или еще чего-то подобного.

Однажды появился у нас в лаборатории человек, поговору и одежде которого было видно, что он из провинции. Оказалось, что это учитель физики из районного городка Харьковской области, не помню сейчас, откуда именно.

Должен сразу оговориться, что в моем рассказе имеются совершенно определенные вещи, которые я хорошо помню, но кое-что я помню плохо.

Он пришел с важным сенсационным сообщением, из которого следовало, что ему якобы удалось доказать, что электрон не существует. Для демонстрации справедливости этого факта учитель попросил предоставить ему электрофорную машину, что тут же было сделано. При этом присутствовали, кажется, кроме меня, Владимир Игнатьевич и Виталий Александрович Перваков. Прodelав некоторые манипуляции, гость озадачил нас результатами своих опытов: на электродах электрофорной машины изменялись знаки заряда. Это было нетривиально, хотя и не являлось великим открытием. Однако этот факт был необычным. Он был наблюдаем и требовал какого-то физического объяснения.

Сейчас я не помню, по чьей конкретно инициативе было создано экстренное заседание Ученого Совета факультета.

И вот в старой физической аудитории собрался физико-математический бомонд: Антон Карлович Вальтер, Владимир Игнатьевич Хоткевич, Борис Иеремиевич Веркин, Абрам Соломонович Мильнер, Борис Яковлевич Пинес и другие известные физики и математики. По болезни не было лишь главного физика – К.Д.Синельникова. Присутствовали и несколько зевак вроде меня.

На демонстрационном столе перед доской, на которой была изображена схема опыта, находился уже упомянутый электрофор. Появился приодетый по такому случаю наш гость в сопровождении одного из лаборантов кафедры экспериментальной физики.

Публика затихла, внимательно следя за действиями гостя. Запустили машину и определили знаки зарядов, после чего учитель ловко, словно фокусник, достал из кармана некие небольшие насадки. Уверенным движением опытного демонстратора он укрепил их на машине, и вновь определили знаки зарядов. Они поменялись местами. Народ удивился, однако потребовал проделать опыт еще раз без участия факира. За дело взялся лаборант. Результат был тот же. Ученые мужи удивились еще больше. Вальтер в процессе опытов через определенные промежутки времени выходил в соседнюю комнату-“предбанник”, чтобы звонить домой больному Синельникову, докладывая о ходе эксперимента.

Все были озадачены, не находя объяснения увиденному. Учитель стоял с видом триумфатора, поясняя на схеме результаты опыта и делая какие-то выводы, из которых якобы вытекало, что электронов не существует в природе вовсе. Эту заключительную часть его сообщения никто, конечно, не принимал всерьез, но сами опыты ставили людей в тупик. Никто не мог отгадать причину изменения знака заряда. Возникла дискуссия, пошли споры между солидными физиками. Кое-кто выбегал к столу, чтобы еще и еще раз проверить, в чем фокус, где кроется обман. Повторили эксперимент снова, с тщательной проверкой на каждом этапе. Сомнений в чистоте опыта ни у кого не осталось.

И тут из-за кулис в очередной раз появился Вальтер. На лице его сияла торжествующая усмешка. Он объявил, что Синельников догадался, наконец, в чем секрет, произнеся лишь три слова: “Коронируется дополнительный заряд”. Некоторые ученые мужи сразу же зашумели, заулыбались, недоумевая, как это им раньше не пришла в голову такая разгадка. Наперебой стали объяснять ситуацию учителю, который уже понял, что его трюк был разоблачен и получил трактовку в рамках существующих физических знаний.

Наука об электроне устояла, хотя и слегка пошатнулась вначале. Огорченный ниспровергатель был ужасно расстроен, однако сердобольные ученые постарались утешить его, тепло поблагодарив за оригинальный эксперимент.

В.В.Ульянов

Х О Д О К И

В истории, описанной Б.А.Мерисовым под названием "Ниспровергатель", рассказан не совсем типичный случай, когда некий ходок, хотя и не смог опровергнуть факт существования электрона, все же продемонстрировал весьма интересное явление, которое, вероятно, можно было бы использовать на практике. Обычно же подобные попытки оказывались тщетными и лишь отнимали время у специалистов.

Теоретикам чаще всего подобные крушители устоев науки присылали свои открытия в виде писем с изложением идей, которые, по их мнению, должны были совершить переворот в каком-либо разделе, а то и во всей физике.

Вспоминаю соответствующий эпизод в начальный период моей работы на кафедре. Однажды Леонид Степанович Гулида – секретарь нашей кафедры – с таинственной добродушной ухмылкой вручил мне некий конверт с письмом. Он попросил меня внимательно прочитать текст и написать отзыв автору. Это, мол, рассуждения любителя теоретической физики и нужно ему ответить.

Когда я первый раз пробежал глазами по прилагаемым нескольким тетрадным листикам, мне показалось, что это шутливое послание в духе пародий на работы теоретиков. Однако "во втором чтении" становилось ясно, что человек написал этот трактат вполне серьезно, однако, во-первых, грамматические ошибки мешали сосредоточиться на физическом содержании, а во-вторых, автор манипулировал физическими терминами немного невпопад. Наконец, редкие известные формулы были написаны с ошибками.

Стало ясно, что человек имеет некоторое представление о физике в рамках школьных сведений, которые дают очень упрощенное представление о точных науках и о пределах применимости этих наук и соответствующих формул.

Когда я обратился к Леониду Степановичу за советом, нужно ли давать развернутую рецензию и указывать автору на его ошибки встречающиеся на каждом шагу, то получил совет не делать этого, а ограничиться вежливым указанием на пару некорректностей и дружескими пожеланиями незадачливому автору.

Это был весьма полезный урок, так как копаться в огромном массиве нагромождений неверных посылок и ошибочных выводов в такого рода трактатах означает тратить время впустую и лишь накапливать раздражение. К тому же часто переписка не заканчивается на отзыве, а настырные открыватели начинают по каждому пункту разоблачения дискуссию, стараясь оправдать свои заключения, и втягиваться в подобные бесперспективные споры не следует.

Впоследствии много раз подобные истории повторялись. Чаще всего от таких крушителей устоев физики доставалось Эйнштейну, а также квантовой механике. Хорошо, если переписка с подобными авторами заканчивалась на однократной рецензии: некоторые упрямые любители теоретических открытий в ответ присылали новые послания с уточнениями своих воззрений и претензиями, что их не поняли и т. п. В конце концов, посчитав, что тут дело не пройдет, они, видимо, начинали бомбардировать своими сочинениями другие учреждения.

Однако далеко не всегда такие истории заканчиваются столь мирно. Бывают случаи, особенно в последние годы, когда ходоки появляются на кафедре и пытаются очно доказывать правоту своих открытий. Причем в случае неудачи обращаются с жалобами в разные инстанции, вплоть до центральных партийных органов в недавнем прошлом или органов высшей администрации в нынешние времена, если давление на ректора или проректора не дает результатов. Иногда эти квазилюбители грозят, что вынуждены будут свои открытия направлять в далекое забугорье, что может, мол, нанести урон безопасности нашей страны и т. п. Обычно это пенсионеры с техническим образованием, которые получили весьма поверхностные знания по физике, и теперь, на досуге, стремятся двинуть физику дальше, не подозревая, что это уже давным-давно сделано в серьезной науке на совершенно ином уровне.

Нечто подобное приходилось испытывать и при рецензировании статей в солидных физических журналах или книг по физике. Однако это отдельная тема.

О другом типе пенсионера – истинном любителе физики – говорится в заметке, помещаемой далее в этом сборнике.

В.В.Ульянов

У Н И К А Л Ь Н Ы Й С Т У Д Е Н Т

Из "Воспоминаний физика-теоретика"

В первые же годы моей преподавательской деятельности судьба преподнесла незабываемый сюрприз, познакомив с удивительной личностью.

На заочном отделении физфака, где мне поручили читать несколько теорфизических дисциплин, среди солидных дядей выделялся пожилой сухощавый оживленный слушатель. Одевался он очень просто. Вел себя скромно. Был исключительно вежлив. Чувствовалось хорошее воспитание. Никогда не злоупотреблял вниманием, которое ему оказывали как студенту-ветерану. Старческое, морщинистое лицо его было одухотворено искренним интересом к физике. Звали его Викентий Францевич. Первые сведения о нем я получил от его коллег по группе.

На зачетах и экзаменах он довольно толково отвечал, но мне было неловко терзать пожилого человека, так что я быстро отпускал его с отличными оценками.

Вскоре заочное отделение физфака закрыли. Однако Викентий Францевич появился на вечернем отделении, где я читал теоретическую механику. Было очень приятно увидеть среди новых студентов знакомое лицо. В перерыве мы с ним встретились как старые друзья. Викентий Францевич объяснил, что его интересует более глубокая проработка курса. Не знаю, был ли он столь же любознательным по отношению к другим дисциплинам.

Позднее, когда мне поручили читать квантовую механику, вновь среди слушателей выделялся милый Викентий Францевич. Постепенно он приоткрыл тайну своих появлений. Он закончил когда-то Технологический институт (кажется, еще до революции) и многие годы работал по специальности. Выйдя на пенсию, он увлекся физикой и решил по-настоящему освоить эту науку. Особенно его интересовали теоретические разделы.

Как-то мы с ним вышли вместе из Университета, и он немного рассказал о своей жизни. К сожалению, я не запомнил деталей и не записывал ничего, что могло бы когда-нибудь пригодиться.

Он тщательно конспектировал лекции, посещал консультации и дополнительные занятия. Обычно вопросы студентов были или слишком поверхностными, касаясь второстепенных деталей, или оторванными от конкретного предмета. Викентий Францевич всегда спрашивал по делу, глубоко вникая в сущность. Однако делал это он обычно в перерывах между парами или во время консультаций, не считая нужным проявлять свою осведомленность во время лекций или опасаясь поставить лектора в неловкое положение. Это еще больше возвышало его в моих глазах.

Кажется, он не был приписан к какой-либо студенческой группе, переходя с курса на курс, однако зачеты и экзамены сдавал наравне со всеми. Он неизменно вызывал мое восхищение, хотя встречались студенты и посильнее его.

Затем Викентий Францевич стал появляться и на дневном отделении. Постепенно пробрался и в группы теоретиков, испросив разрешение бывать на моих лекциях. Видимо, нас связывала взаимная симпатия. Ему уже тогда, кажется, было порядка 70 лет, а я только начинал свой путь преподавателя.

Сейчас уже не помню, по какой кафедре он специализировался и защищал ли дипломную работу...

Прошло много лет, и вдруг я получаю письмо от этого уникального легендарного вечного студента. Исключительно теплое, трогательное послание, в котором незабвенный Викентий Францевич вспоминает наши первые контакты и своего товарища В.Г.Свидерского, – моего бывшего дипломника, – фрагмент письма которого с благодарным упоминанием моей персоны он приводит. Письмо от 22 ноября 1973 года. Подписано – В.Марковский. Благодаря этому я вновь знаю его фамилию. Всегда помнил и с большим удовольствием произносил его необычные имя и отчество – Викентий Францевич, – но фамилия забылась.

Этот человек оставил о себе настолько светлую память, что я очень рад возможности поведать о нем в качестве исключительного примере личности, беззаветно преданной ФИЗИКЕ. Думаю, что в истории нашего Университета едва ли найдутся аналоги таких ультравеликовозрастных студентов, как это Дитя физмата.

У Л Ь Т Р А К О Р О Т К И Е И С Т О Р И И

В.П.Хижковский

Борис Яковлевич Пинес, слушая ответ студента на экзамене, спрашивал: "Что вы несёте? Вы здоровы или больны?"

Э.В.Гапон

Леонид Степанович Гулида - лекция по электродинамике после психологии: "Друзья мои, вы такие бодрые, а у меня на лекции обычно спят".

Илья Михайлович Лифшиц на экзамене по термодинамике и статистической физике: "Вы ничего не знаете, идите - четыре".

Раиса Ильинична Зайчик на лекции по оптике: "Проследим за лучиком, потому что "зайчик" - это я".

Н.Ф.Агафонова

Раиса Ильинична Зайчик на лекции по физике (элементы теории вероятностей): "Бутерброд по закону подлости падает маслом вниз. Чему вы смеетесь? Тому, что масла нет?" (Тогда были трудности с продовольствием.)

Г.С.Бляшенко

Мне сдает коллоквиум студентка первого курса М. Она пишет формулу: $F = - \text{grad } U$. "Наташа, а что такое градиент?" "Ну как, что: g - ускорение силы тяжести, r - радиус-вектор, a - ускорение, d - диаметр."

На практикуме по механике сдается лабораторная работа по определению ускорения силы тяжести. Подходит студентка Ф.: "Глеб Степанович, ну что мне делать - у меня "же" большое?"

(У нее получилось $g = 10,5 \text{ м/с}^2$.)

Константин Васильевич Мезин рассказывал, как однажды он принимал зачет на молекулярном практикуме у одного студента и спрашивал его об устройстве весов. Ответом студента он остался недоволен и предложил тому пойти в соседнюю комнату и разобраться с весами. Студент ушел и примерно минут через сорок возвратился со словами: "Я уже". "Что уже?" "Я все сделал". "Что сделали?" "Весы разобрал".

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.	3
И.Г.Иванов. Ремонтный кошмар	4
И.Г.Иванов. Из цикла "Матримониальные истории"	7
А.И.Шарапов. Оптическая легенда.	.11
Б.В.Кондратьев. Из цикла "Сессионные приключения".	.12
Б.А.Мерисов. Мортирка.	.14
Б.А.Мерисов. Из цикла "30 случаев с майором Паракой"	.16
Б.А.Мерисов. Ниспровергатель	.17
В.В.Ульянов. Ходоки.	.19
В.В.Ульянов. Уникальный студент.	.21
Ультракороткие истории	.23

Ювілейне видання

Володимир Володимирович Ульянов

50 РОКІВ В УНІВЕРСИТЕТІ

Відповідальний за випуск О.М.Єрмолаєв

Підп. до друку Формат 60x84 1/16. Папір офсетний
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. Обл.-вид. арк.
Тираж 25 прим. Ціна договірна

ХНУ, 61077 Харків, пл. Свободи, 4.
Видавничий центр

